

ИМПЕРИЯ И НАЦИЯ В «ДОЛГОМ XIX ВЕКЕ»

В своем знаменитом докладе «Что такое нация?», прочитанном в Сорбонне в марте 1882 г., Эрнест Ренан говорил: «То, что не удалось Карлу V, Людовику XIV, Наполеону I, наверное, не удастся никому и в будущем. Учреждение новой Римской империи или империи Карла Великого стало невозможным. Разделение Европы зашло слишком далеко, чтобы попытка к универсальному господству не вызвала немедленно коалиции, которая скоро возвращает гордую нацию в ее естественные границы. Некоторое равновесие установилось на долгие времена. Франция, Англия, Германия, Россия, несмотря на возможные случайности, еще в течение многих сотен лет будут историческими индивидуальностями, главными частями шахматной доски, клетки которой постоянно изменяются в своем значении и величине, но никогда не смешиваются друг с другом. В этом смысле нации, отчасти, новое явление в истории». В этом рассуждении, как в капле воды, отразились и ключевая проблема истории «долгого XIX века», и наши современные проблемы в понимании исторического процесса, уходящие корнями в тот самый «долгий XIX век». Разве не удивительно, что Ренан называет четыре современных ему наиболее могущественные европейские империи, а точнее, их метрополии, в качестве примера наций? В его понимании они были недостаточно «имперские», поскольку не являлись пан-европейскими империями. Ренан, как и вся историография того времени, основанная на национальных нарративах, склонен думать об этих государствах как нациях-государствах. Историки очень долго смотрели и даже сегодня во многом продолжают смотреть на историю XIX в. прежде всего как на историю наций-государств и противопоставлять нацию-государство и империю как две совершенно разные, несовместимые формы политической организации.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАЦИЙ-ГОСУДАРСТВ – ЧЕТЫРЕ СЦЕНАРИЯ

Одним из первых поставил такой взгляд под вопрос немецкий историк Ю. Остерхаммель в своей выдающейся работе «Преображение мира», которая является, пожалуй, самой интересной на сегодня попыткой написать именно всемирную историю «долгого XIX века». Остерхаммель говорит о том, что XIX в. не был веком наций-государств, но веком империй и национализма. Он описывает четыре типа (или сценария) возникновения наций-государств в XIX в. Первый тип – «революционная автономизация». В Европе по этому сценарию возникли государства на Балканах – Греция, Сербия, Черногория, Румыния, Болгария. Греция получила независимость в 1827 г. в результате

сочетания целого ряда факторов – кроме собственно греческого движения важную роль сыграло сочувствие ему по всей Европе и, конечно, морская интервенция Британии, России и Франции. Последовавшие примеру Греции другие балканские страны также смогли получить независимость прежде всего благодаря вмешательству великих держав. Россия в ходе войн с Османской империей постепенно вытесняла ее с Балкан, а другие великие державы старались не дать России установить здесь свою гегемонию. Интересно, что Черногория, получившая независимость в результате Берлинского конгресса 1870 г., стала всего лишь 27-м признанным независимым государством в мире. Вне Балкан, где в течение века постепенно разрушалась Османская империя, сценарий «революционной автономизации» был характерен для Бельгии. Отобранная в 1815 г. на Венском конгрессе у поверженной Франции, Бельгия была отдана Нидерландам, а в 1830 г. в результате восстания освободилась от их авторитарной власти, причем снова при поддержке великих держав – империй.

Второй тип возникновения наций-государств Остерхаммель называет «гегемоническая унификация». Классические примеры такого сценария – Германия и Италия, где одна из частей, Пруссия в Германии и Пьемонт-Сардиния в Италии, сыграла лидирующую роль в объединении нации. Остерхаммель однобоко интерпретирует примеры «гегемонической унификации», т.е. опыт Германии и Италии, что отчасти можно объяснить почти безраздельным доминированием «национального нарратива» при описании этих процессов. Сам процесс *объединения* во многих регионах Италии и Германии воспринимался как процесс *подчинения*. Вновь созданные государства не только обращались к имперским традициям для своей легитимации, но практически сразу же после объединения включились в соревнование за колонии, а Германия также предприняла попытку масштабной европейской экспансии. В немецком случае связь с традицией Священной Римской империи германской нации ясно проявилась в самом названии нового государства – Deutsches Reich, т.е. Германская империя. В Италии объединение, которое далеко не всегда встречало энтузиазм в различных регионах, легитимировалось через обращение к доблестям Римской империи (*romanità*), а также к наследию Венецианской республики (*venecianità*). Элиты Германии и Италии видели в имперской экспансии способ консолидировать нацию и присоединиться к клубу великих держав Европы. Иными словами, имперские мотивы были важной составляющей процесса гегемонической унификации. К этому же типу формирования наций-государств Остерхаммель относит Нидерланды и Швейцарию, хотя и признает, что в этих случаях в процессе объединения был более выражен полицентризм и федералистский принцип.

Третий сценарий возникновения наций-государств Остерхаммель называет «эволюционной автономизацией». Единственный европейский пример – Норвегия, которая, в результате длительного процесса расширения автономии, мирно прекратила династический союз со Швецией в 1905 г.

Четвертый вариант связан с бывшими центрами империй, которые были «покинуты» имперской периферией. В качестве примеров этого сценария Остерхаммель приводит Испанию и Португалию. Отчасти к этой группе можно отнести и другие «сжимавшиеся» империи – Швецию, Данию, позднее – турецкое ядро Османской империи.

Эта типология в целом соответствует теоретическим представлениям о национализме, которые наиболее четко выражены в знаменитом определении Эрнеста Геллнера. Согласно ему, национализм – это прежде всего политический принцип, провозглашающий, что «политическое тело» и «национальное тело» должны совпадать. Однако это определение национализма, как и типология, предложенная Остерхаммелем, не учитывают один из наиболее важных сценариев строительства наций в XIX в., а именно строительство имперских наций в имперских метрополиях.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ В ЯДРЕ ИМПЕРИЙ

Когда историки говорят об «имперских нациях», они, как правило, имеют в виду заведомо нереалистичные проекты включения в нацию всех подданных той или иной империи, т.е. превращение империи в нацию-государство. Мы же будем использовать это понятие для обозначения тех процессов формирования наций, которые происходили в так или иначе определенном ядре империи, переосмысленном как национальная территория. В этом случае концепция Геллнера перестает работать, поскольку при строительстве наций в имперских метрополиях мало кто руководствовался идеей включить в нацию все население империи и всю ее территорию, равно как и стремлением «ужать» империю до размеров нации. Националистические элиты имперских метрополий видели в империи ресурс для строительства нации и в то же время усматривали в национализме не только «вызов с окраин» империи, но и ресурс для повышения ее конкурентоспособности, если речь шла о национализме имперских наций. Они искали институциональные и политические решения, которые позволили бы сочетать строительство нации в имперском ядре с сохранением жизнеспособности империи в мире, где межимперское соперничество все более обострялось.

В некоторых случаях (Испания, Португалия, Османская империя, Дания, Швеция) проекты строительства нации в ядре империи должны были приспособляться к обстоятельствам, вызванным упадком и распадом империи, но и здесь имперская динамика была в большей степени причиной, чем следствием. Не случайно и Португалия, и Испания, теряя колонии в Америке, тут же стремились хотя бы отчасти компенсировать эти потери за счет приобретения новых владений в Африке. Применительно же к Британии, Франции, Германии и России процессы имперской экспансии и национального строительства были теснейшим образом взаимосвязаны. То же можно сказать и о Японии эпохи Мейдзи, которая, заимствуя образцы именно из этих европейских империй, строила новое государство и формировала культ императора как олицетворения и нации, и имперской миссии.

ИМПЕРИЯ И МОДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО

Жесткое противопоставление империи и нации-государства как двух принципиально различных и несовместимых типов политической организации общества и пространства доминировало в историографии в течение многих десятилетий. Если историки и говорили об империях в связи со строительством наций, то только как о препятствии в нациестроительстве, как о

заведомо устаревшей политической форме. В действительности большинство процессов, которые подготовили создание современного государства, происходили в имперских метрополиях.

Индустриализация, урбанизация, формирование профессиональной бюрократии, введение обязательной военной службы, распространение грамотности и массового образования – все эти процессы, которые ассоциируются с формированием современного государства, были тесно связаны с империями и межимперским соревнованием. Многие институты, игравшие важную роль в строительстве нации, от армии до научных обществ, были прежде всего имперскими институтами. Бурный рост коммуникаций (от систем связи, как телеграф, до транспортных систем, как железные дороги), развитие городов, особенно столиц, сочетавших роль имперских и национальных центров, а также крупных портов – все это обслуживало интересы империи и рождалось из имперских нужд.

Упрочение экономических связей между различными регионами, крайне важное для формирования наций, также может быть понято только при учете имперской динамики. Механизмы политического участия как на уровне элит, так и на уровне масс (с течением времени все более связывавшиеся с концепцией национального представительства, гражданства и социальных прав) обсуждались и эволюционировали в имперском контексте, где дискриминация была основана и на расовых, и на гендерных, и на социальных критериях.

Важные для национальной консолидации образы «другого», концепции цивилизаторской миссии функционировали одновременно в национальном и имперском контексте. Именно в имперском контексте и во многом в зависимости от имперских успехов и неудач формировались образы национальной территории, отличавшейся от территории империи, но зачастую расширявшейся и сжимавшейся вместе с империей.

Традиционные формы непрямого правления, характерные для империй в прежние века, когда они опирались на местные элиты в управлении периферийными регионами, теперь менялись в двух направлениях. По мере укрепления профессиональной бюрократии, что было важной составляющей строительства современного государства, имперский центр мог вводить все больше элементов прямого правления и обходиться без опоры на традиционные региональные элиты, нередко препятствовавшие правовой и экономической модернизации. Часто это происходило в связи с включением этих регионов в образ национальной территории имперской нации и сопровождалось более агрессивной политикой аккультурации и ассимиляции. В других случаях, если периферийные регионы не включались в имперскую нацию, они получали больше автономии, как, например, Финляндия в составе Российской империи или Хорватия в составе венгерской части габсбургской монархии.

Внимательный взгляд на европейскую историю XIX столетия показывает, что наиболее значительные проекты строительства наций осуществлялись именно в метрополиях империй и были тесно связаны с динамикой развития этих империй и их местом в мировой системе межимперского соперничества. Нации создавались государствами, империи снабжали эти государства различными ресурсами. Британский историк Г. Камен справедливо заметил: мы привыкли думать, что нации создавали империи,

в то время как в действительности империи создавали имперские нации и нередко предоставляли ресурсы для национального строительства на имперской периферии. Американский исследователь Ф. Купер предложил использовать понятие «empire-state», т.е. империя-государство, чтобы преодолеть порочную традицию связывать современную государственность только с нациями-государствами. В сценарии строительства имперских наций вместо нации-государства, консолидирующего нацию, мы имеем дело с империей-государством, которое строит нацию в своей метрополии, но совсем не обязательно нацию-государство, а стремится сочетать имперский и национальный проект. Одна из ключевых задач современной историографии проблем XIX в. состоит в том, чтобы уделить должное внимание взаимосвязи имперского и национального и окончательно избавиться от диктата национальных нарративов, безраздельно доминировавших в течение всего XIX – первой половины XX в.

НАЦИЯ В ИМПЕРСКОМ КОНТЕКСТЕ

В имперском контексте XIX в. концепция нации могла приобретать в зависимости от обстоятельств различное содержание и далеко не всегда опиралась на этничность. Так, Наполеон Бонапарт никогда не считал ядром той империи, которую он строил, всю Францию, а видел его в северной Франции, Бельгии и некоторых областях западной Германии, т.е. там, где его реформы находили наиболее благодатную почву. Юг же Франции Наполеон рассматривал как одну из проблемных окраин. Так же смотрели на эти области и более поздние правители Франции. Знаменитый «шестиугольник» (географический контур) Франции, который усилиями национальных историков превратился в «естественную» национальную территорию французов, в действительности был, с одной стороны, плодом интенсивных ассимиляторских усилий французского государства в течение не только всего «долгого XIX века», но и первой половины XX в., а с другой, плодом неудачи Наполеона Бонапарта в его усилиях построить пан-европейскую империю.

В Австро-Венгрии после поражения от Пруссии и Конституционного соглашения 1867 г., а точнее в Цислейтании, австрийской части монархии, интеграция опиралась на построение общего рынка, культурную автономию этнических групп и правовое равенство граждан, а не на языковую и культурную унификацию. Такая стратегия вовсе не была заранее обречена на неудачу, в сфере экономической и правовой интеграции австрийская часть монархии продвинулась заметно дальше, чем большинство наций-государств того времени. Успех такого сценария интеграции мог бы уже на рубеже XIX и XX вв. существенно изменить представления о том, как должна выглядеть нация. С позиций сегодняшнего дня эта стратегия, предполагавшая двуязычие как норму, в которой немецкий как общегосударственный язык и язык «межнационального общения» на локальном уровне дополнялся языками этнических групп, выглядит намного более современной, чем стратегии культурной и языковой унификации, так характерные во второй половине XIX в. для Франции, которая долгое время считалась образцом нациестроительства. В Транслейтании, которая стала после 1867 г. своеобразной вен-

герской субимперией, венгры следовали именно этому образцу и проводили агрессивную политику языковой и культурной унификации в отношении большинства подвластных групп, за исключением хорватов, имевших свою автономию. Вопрос о том, какая модель строительства нации в ядре империи будет восприниматься как «магистральная», во многом решался в зависимости от исхода межимперского соревнования.

Представления о нации и империи в «долгом XIX веке» интенсивно менялись вместе, поскольку были тесно связаны друг с другом. В России понятия *империя* и *нация* вошли в политический лексикон почти одновременно во второй декаде XVIII в. В течение почти всего XVIII в. напряжения между ними не было, они скорее дополняли друг друга, обозначая суверенную политику. Другое значение понятия *нация*, сохранявшее актуальность вплоть до начала XIX в., – это дворянская корпорация, что соответствовало польской концепции «шляхетской нации» и венгерской концепции «*natio hungarica*». К концу XVIII в. понятие *нация* под влиянием французского опыта оказалось тесно связано с концепциями национального представительства и конституции. В XIX в. понятия *народность*, а затем и *нация* вошли в широкий обиход, а при Александре III и Николае II монархия уже активно использовала национализм для легитимации своей власти. При этом представление о российской нации было заведомо шире понятия «великороссы» и включало все восточнославянское население империи, многие угрофинские группы и было открыто для ассимилированных представителей многих других этнических групп империи.

В Великобритании понятие *нация* стало частью политического языка уже в средние века, а в XVII в. представление об английской нации было прочно укорененным. Однако идея британской нации появилась лишь в XVIII в. и во многом утвердилась в контексте межимперского соперничества протестантских Англии, Шотландии и Уэльса с католической Францией. В XIX в. англичане, доминировавшие в Великобритании, были в большинстве своем готовы растворить в британскости прежнюю английскую идентичность.

В Германии уже в конце XV в. к названию Священной римской империи стали добавлять «германской нации». Представления о нации были тесно связаны с представлениями об империи, что привело к широкому распространению в XVIII в. имперского патриотизма (*Reichspatriotismus*). Когда в 1871 г. прусский лагерь победил в борьбе за объединение Германии, возникшее государство получило имя *Deutsches Reich*, т.е. Германская империя. Прусский концепт нации («*kleindeutsch*») выиграл у общегерманского («*großdeutsch*») в результате победы Пруссии над Австрией в 1866 г., т.е. был результатом борьбы двух империй. В последующие десятилетия новое государство ясно продемонстрировало свои имперские амбиции не только в борьбе за заморские колонии, но и на европейском континенте. При этом европейская экспансия Германской империи во многом вдохновлялась концепциями *Kulturboden* (т.е. идеей культурной миссии немцев на востоке Европы), а позднее *Lebensraum* (имперско-национальной идеей жизненного пространства германской нации). Приведенные примеры России, Великобритании и Германии прекрасно иллюстрируют, что при всех различиях нация и империя были тесно связаны во всех трех случаях.

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ И СРАВНЕНИЯ ИМПЕРИЙ

Морские империи обычно противопоставляются империям континентальным, а традиционные – современным. При этом качества современности, как правило, приписываются морским империям, а континентальные империи описываются как традиционные. В последнее время историки обратили внимание, что в своих колониальных владениях британцы сохраняли намного дольше, чем в метрополии, многие черты Старого порядка. Другие империи, причисляемые к современным, также сохраняли много традиционных черт в колониях. Вместе с тем все европейские континентальные империи с большим или меньшим успехом разными путями шли по пути модернизации. Поэтому представление об оппозиции современных морских и традиционных континентальных империй нуждается в корректировке.

Нетрудно заметить, что и разделение на морские и континентальные империи не слишком удобно. Вполне соответствуют модели морской империи только Португалия и, после суверенизации Бельгии, Голландия. Метрополии Британии или Испании, которые чаще всего вспоминают, говоря о транс-океанских империях, на самом деле представляли собой сложные имперские структуры. Англия выполняла роль имперского центра в отношении Шотландии и Уэльса, Кастилия – в отношении Страны Басков, Каталонии, Галисии и других периферийных королевств полуострова, в том числе в течение некоторого времени и в отношении Португалии, когда та была частью Испании.

Определению континентальных империй вполне соответствуют Австрийская империя Габсбургов, Османская империя и, с небольшими отклонениями, Россия, у которой были заморские владения в Русской Америке. Франция имела значительные колониальные заморские владения, но также пыталась осуществить в наполеоновскую эпоху захватывающий дух проект континентального имперского доминирования в Европе. В этот период Франция была готова пожертвовать важными заморскими владениями ради экспансии в Старом Свете. Германия и Италия под флагом объединения нации в рамках единого государства (национальный ирредентизм) занимались строительством композитных политий в Европе. Оба государства активно ввязались в схватку за колонии, в том числе и потому, что с помощью колониальной экспансии рассчитывали решить проблему укрепления национального единства. А Германия, как мы слишком хорошо помним, в XX в. дважды пыталась осуществить имперскую экспансию в европейском пространстве. Иными словами, Германия, Франция, Италия сочетали черты континентальных и морских империй, с постоянно меняющимся во времени соотношением значимости этих компонентов.

Эlegantное решение проблемы классификации империй, которое помогает избежать традиционных для прежних классификаций бинарных оппозиций, было сформулировано Э. Диккинсоном. Он предложил размещать империи на воображаемой оси, на которой те или иные качества, выбранные как основа для классификации, убывают или возрастают по мере приближения к полюсам. То есть, если мы выберем критерием соотношение континентальных и заморских владений в структуре империй, то один полюс займут Португалия и Голландия, другой Османская империя и Австро-Венгрия, а остальные империи будут располагаться между этими полюсами,

совершая существенные подвижки по оси в зависимости от исторического времени.

Остается вопрос, какие иные критерии могут быть использованы для размещения империй на этих воображаемых осях классификаций. Важным элементом модернизации было постепенное утверждение демократического представительства в европейских метрополиях империй. Это создавало неизбежное напряжение. Ю. Остерхаммель в своем определении империи прямо указывает на этот фактор: «Империя – это большая иерархическая структура доминирования, имеющая полиэтничный и многорелигиозный характер. Устойчивость этой структуры обеспечивается угрозой насилия, имперской администрацией, коллаборацией подчиненных, а также универсалистскими программами и символами имперской элиты, но не социальной и политической однородностью и универсальностью гражданских прав». Однако была ли идея гражданских прав с самого начала универсальной даже в нациях-государствах? Она исключала не только колониальных подданных империй, но и большинство населения метрополии по критериям гендера, социального статуса и богатства. При этом в империи Габсбургов после 1867 г. и в империи Романовых после 1905 г. право на участие в выборах получило мужское население большинства периферийных регионов империи, хотя сами выборы были основаны на сословной, куриальной системе. Во Франции и Великобритании исключение различных групп населения метрополии из демократического процесса обсуждалось в прямой связи с имперской и расовой проблематикой. Один из аргументов Джона Стюарта Милля в пользу равноправия британских женщин состоял в том, что на шкале цивилизации они стоят намного выше, чем расово чуждые мужчины в колониях. Франция все время колебалась в вопросе о том, должны ли расовые отличия быть барьером для гражданства. Эта амбивалентность сохранялась и после Второй мировой войны при трактовке статуса населения Алжира, который был объявлен заморским департаментом Франции. Принципы включения и исключения в отношении политического участия, безусловно, могут служить важным критерием классификации империй для периода XIX и XX вв.

Другой важный критерий классификации империй – это их роль в мировой политике. Собственно, претензия на роль великой державы и способность оказывать существенное влияние на мировую политику – ключевая черта империй, выделяющая их среди прочих композитных политий. Венский конгресс 1814–1815 гг. формально зафиксировал неравенство участников европейского концерта, разделив их на пятерку «великих держав» (Великобритания, Франция, Россия, Пруссия и Австрия), державы «второго порядка», которые участвовали не во всех комитетах Конгресса, и державы «третьего класса», которых приглашали лишь тогда, когда речь шла о них самих. Стремление защитить свои позиции в этой иерархии, повысить собственный статус или вообще войти в «клуб», как в случае с Османской империей, оказывало существенное влияние на все стороны жизни империй.

В целом же то, что мы привычно называем *международной* системой, для рассматриваемого периода было прежде всего *межимперской* системой. И эта система характеризовалась довольно высокой динамикой. Например, применительно к XVIII и XIX вв. мы можем различать империи слабеющие и усиливающиеся. Некоторые империи постоянно «сжимались» (Османская,

Испанская), иногда вплоть до постепенной утери имперских характеристик в течение XIX в., как Дания и Швеция. Некоторые империи фактически утеряли способность к экспансии, как Австро-Венгрия. Габсбургский министр иностранных дел граф Дьюла Андраши указал на это обстоятельство в своем знаменитом изречении о том, что «австрийская лодка полна, и неважно, добавим ли мы кусок золота или дерьма – она потонет». Другие империи, напротив, демонстрировали способность и стремление к дальнейшему расширению (Великобритания, Германия, Франция, Россия, США, Япония).

Эта динамика, безусловно, оказывала существенное влияние на многие стороны внутривнутриполитического развития империй, в том числе имперских метрополий. Успехи в экспансии давали важные ресурсы для легитимации проекта строительства имперской нации, открывали возможности для укрепления лояльности периферийных элит и их готовности аккультурироваться и, в некоторых случаях, ассимилироваться в имперскую нацию. В Британии возможность участвовать в управлении империей подталкивали к лояльности шотландские и валлийские элиты, в России – казачью верхушку Гетманщины и немецкое дворянство балтийских окраин.

Кризис империи, напротив, подрывал прежнюю лояльность периферийных элит. В 1810–1820-х годах региональные элиты в Испании испытали сильное влияние со стороны испанских элит в колониях Латинской Америки, которые взбунтовались против метрополии из-за неравноправия своего статуса в сравнении с европейскими элитами империи. С еще более серьезными трудностями в процессе строительства нации на Иберийском полуострове и ростом каталонского и баскского регионализма/национализма Испания столкнулась сразу после потери Кубы и Филиппин в результате поражения от США в 1898 г. Элиты Каталонии, успешно осуществлявшие в это время экономическую модернизацию, пришли к выводу, что кастильцы плохо справляются с имперскими задачами, и стали требовать для Каталонии статуса Венгрии после конституционного соглашения 1867 г.

В случае Османской империи потеря периферийных владений и связанные с ней миграции мусульманского населения в центр империи дали, парадоксальным образом, важные демографические ресурсы для превращения Анатолии в турецкую «национальную территорию» и для переосмысления роли тюркского ядра в империи. (Не забудем, что практически все примеры «революционной автономизации» относятся именно к Османской империи, и все они сопровождалось жесточайшими репрессиями против мусульманского населения отпадающих окраин.) Турецкая нация стала плодом усилий представителей главным образом военных элит на стадии глубокого кризиса империи. Первое поколение младотурок почти целиком состояло из уроженцев имперских окраин, которые наиболее остро чувствовали угрозу и взяли власть в тот момент, когда прежние экспансионистские проекты уже были отброшены и во главу угла была поставлена задача минимизации ущерба в ходе распада Османского государства.

Другая важная характеристика положения империй в мировом соревновании – это их периферийность или центральность в европейском масштабе. Иначе говоря, расположение имперской метрополии в центре мировой экономической системы, во многом совпадающем с пространством интенсивного урбанистического развития (большая часть немецких земель, север

Франции, Нидерланды, Англия), или на периферии, или полупериферии по Иммануилу Валлерстайну (Испания, большая часть Австрийской империи, Россия, Османская империя), является важным критерием для понимания динамики практически всех имперских процессов и в особенности взаимоотношений империй и национализма.

Центральное или «фланговое» положение империй имело и военно-стратегическое измерение. Д. Ливен показал, что в течение всего XIX в. ключевое значение для баланса сил в Европе имел тот факт, что Британия и Россия, находившиеся на периферии континента и старавшиеся предотвратить возникновение пан-европейской империи, имели принципиально разную структуру военной силы. Россия обладала крупнейшей сухопутной армией, а Британия – самым мощным флотом. Когда Франция в начале XIX в. и Германия в начале XX в. пытались подчинить себе материковую Европу, для успеха им необходимо было создать флот, способный конкурировать с британским, и сухопутную армию, способную противостоять российским силам на суше. Ни Франция, ни Германия не смогли решить эту двуединую задачу.

Попытка Наполеона установить имперскую гегемонию в Европе опиралась на «вооруженную нацию» и дала толчок новой, активной фазе строительства наций в ядре почти всех крупнейших европейских империй. Именно межимперское соперничество послужило главным императивом для имперских династий и элит, предпринявших, вслед за Францией, в Британии, в Германии под прусской гегемонией и в России попытку консолидации имперской нации.

ИМПЕРИЯ И «НАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИЯ»

Один из ключевых элементов строительства нации – это «присвоение» определенной территории как «национальной». Этот процесс осуществляется различными средствами – от демографического «завоевания» с помощью миграций до символического присвоения территории с помощью топонимики, искусства и архитектуры. В расширяющихся империях пространство национальной территории также имело тенденцию к расширению, хотя никогда не охватывало всю империю. Самый амбициозный с точки зрения экспансии национальной территории проект строительства имперской нации осуществлялся в России. Он включал в себя присвоение в качестве национальной территории, в первую очередь за счет сельскохозяйственных миграций, участники которых исчислялись миллионами, огромных пространств на окраинах империи, и охватывал последовательно Поволжье, Новороссию, Северный Кавказ, Сибирь и Дальний Восток. Проект русской нации включал в ее состав, наряду с великороссами, белорусов и малороссов, а также многие угро-финские этнические группы. В Германии проект также предполагал германизацию значительной части входивших в состав Пруссии территорий бывшей Речи Посполитой, а после 1870 г. и Эльзаса, и избирательную ассимиляцию населения этих регионов. И в русском, и в немецком случае национальный ирредентизм поддерживал имперские притязания на некоторые территории, находившиеся вне имперских границ. Так, претензии России на Червонную и Угорскую Русь, т.е. часть владений Австро-Венгерской импе-

рии, идеологически обосновывались как «собрание русских земель». Таков же был механизм германских претензий на Эльзас, еще ранее на Шлезвиг, а позднее на ост-зейские провинции Российской империи. Трудный процесс превращения французского «шестиугольника» в национальную территорию Франции, а населения Лангедока, Прованса и Бретани во французов прекрасно описал американский историк Ю. Вебер. Постепенно французский проект «перешагнул» море и включил в себя Алжир. Строительство британской нации, где шотландцы и валлийцы объединялись с англичанами в совместной миссии по строительству гигантской империи и ее управлению, описано Л. Колли. В британском случае море также не стало непреодолимым рубежом – наряду с Шотландией и Уэльсом некоторые трактовки британской нации включали Ирландию. Часть британских элит даже выступала, подобно Дж. Сили, за то, чтобы включить в «большую» британскую нацию белые сообщества заморских колонистов, распространяя таким образом концепцию национальной территории далеко за пределы Британских островов.

Нетрудно заметить, что все четыре империи, осуществлявшие наиболее амбициозные проекты строительства имперских наций, принадлежали к «высшей лиге» европейских держав и к числу империй, сохранявших потенциал к дальнейшей экспансии.

Во всех империях детские книги по географии следовали образцу знаменитого французского издания Августина Фюле «Путешествие по Франции двух детей», которое рассказывало о путешествии по «нашей земле» двух друзей, восхищающихся ее разнообразием и богатством, но все время помнящих о ее единстве. Первое издание вышло в 1877 г., а к 1900 г. было продано 6 млн экземпляров. В то время, когда эта книга и подобные ей были написаны, они представляли собой не констатацию очевидного, но боевой клич ассимиляторской программы.

Новая, националистическая повестка дня проникала в имперские институты – школы, университеты, научные общества, армию, церковь. Именно в контексте имперского соперничества профессор географии из Лейпцига Оскар Пешель написал после битвы при Садовой знаменитую фразу: «когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем». Школьные программы переписывались для национализации имперского пространства. В России, вслед за другими империями, в 1830-е годы был введен предмет «отечественная история». Национальный исторический нарратив, созданный в те годы Н.В. Устряловым в ответ на польский вызов на западных окраинах, сохранился практически неизменным до конца империи. Он постулировал единство великороссов, малороссов и белорусов как ветвей единой русской нации. Тогда же, в 1830–1840-е годы под руководством С.С. Уварова единственным официальным языком в университетах стал русский.

В XIX в. все более важным элементом «управления пространством» становилось урбанистическое развитие. Имперские и национальные мотивы тесно переплетаются и в этой сфере. Имперские центры метрополии – Лондон, Париж, Берлин, Петербург – сочетали функции национальных и имперских столиц. Именно в XIX в. и именно для имперских и династических церемоний Лондон получил те публичные здания и пространства площадей, которые были необходимы для их проведения. Здесь мы можем видеть на-

циональный центр, постепенно трансформированный в центр имперский. В Петербурге развитие шло в обратном порядке – имперский центр в конце века приобретал все больше черт национальной столицы. Архитектура знаменитого Собора Воскресения Христова (Храм Спаса-на-Крови) может служить иллюстрацией этой тенденции. Следует помнить, что в конце XIX в. в Петербурге было построено более 10 церквей в таком новорусском стиле, сочетавшем неовизантийские и неомосковские мотивы, которые были разрушены в советское время. Создание Токио как имперского центра, который должен был дополнить старую столицу Киото как национальный центр, было сознательным воспроизведением режимом Мейдзи пары Петербург–Москва. Современный облик Будапешта, сложившийся в последние десятилетия XIX в., когда Венгрия получила свою субимперию, также сочетал имперские и национальные функции и заимствовал образцы урбанистического развития у Вены, Парижа и Лондона. В Португалии и Испании мотив канатов в декоре важнейших столичных зданий прямо отсылает к имперской миссии мореплавателей.

МАКРОСИСТЕМА КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ НА ОКРАИНЕ ЕВРОПЫ

Плотность и многоплановость взаимодействия в области национальной политики между соседствующими друг с другом континентальными (по преимуществу) империями носит качественно иной характер по сравнению с типичным для геополитического соревнования всех империй использованием против соперника сепаратистской карты. При изучении национальной политики и процессов формирования наций, во всяком случае применительно к «долгому XIX веку», важно держать в поле зрения макросистему континентальных империй Романовых, Габсбургов, Гогенцоллернов и Османов. Первые две из них имели протяженные границы со всеми остальными тремя империями этой системы, а остальные – с двумя, причем эти границы не только неоднократно сдвигались, но и постоянно воспринимались правителями данных империй как имеющие потенциал к новым подвижкам. Это принципиально отличало восточную часть континента от западной, где границы в XIX в. были уже значительно менее подвижны. Целый ряд территорий на окраинах континентальных империй представляли собой «сложные пограничья», где сталкивались влияния не двух, а трех соседних держав.

Можно отметить несколько факторов, которые были важны для взаимодействия в рамках подобной макросистемы. Во-первых, это религия. Здесь мы можем наблюдать следующее распределение ролей. Романовы выступали покровителями православных как внутри, так и за границами своей империи. Блистательная Порта играла такую же роль в отношении мусульман. Гогенцоллерны выступали как покровители протестантов, а Габсбурги – католиков, и Вена часто сотрудничала с Ватиканом, в том числе и в своей политике в отношении греко-католиков или униатов. Репрессии в отношении католиков в бисмарковской Германии (*Kulturkampf*, особенно сильно ударивший по полякам, потому что совпал и с национальными антипольскими мерами), антипольская политика в отношении католиков и униатов в Российской им-

перии – все это влияло на отношение Габсбургов к их православным, униатским и протестантским подданным. На более раннем этапе сравнительно терпимое отношение Габсбургов к протестантам во многом было связано с необходимостью бороться за их лояльность с Османской империей, которая протестантам покровительствовала. Только после разгрома османской армии, с множеством венгерских протестантов в ее рядах, под Веной Габсбурги могли себе позволить обрушиться на протестантов в своей собственной империи. Положение староверов в Российской империи не может быть понято без учета событий в Габсбургской монархии, потому что именно там, в Белой Кринице, была воссоздана иерархия для старообрядческой церкви.

Другим важным фактором взаимодействия в рамках макросистемы континентальных империй были панэтнические идеологии: панславизм, пангерманизм, пантюркизм, которые развивались во многом взаимосвязано. Все эти идеологии использовали религиозные мотивы, но даже в случае пантюркизма и панисламизма, которые представляли собой особенно тесный симбиоз, следует отличать этнические и расовые идеологические элементы от религиозных.

Если Россия вела борьбу «за сердца и души» славян Османской империи, то Порты – за лояльность мусульманских подданных царя. Автор обширной монографии «Политизация ислама» К. Карпат не случайно дал главе «Формирование современной нации» подзаголовок «Тюркизм и панисламизм в России и Османской империи». Процессы, происходившие среди мусульман двух империй, были действительно тесно связаны. Среди основоположников пантюркизма и панисламизма выходцев из России по крайней мере не меньше, чем выходцев из османских владений. При этом из-за многочисленного арабского населения империи пантюркизм долго оставался для Стамбула скорее удобным экспортным товаром, чем продуктом для внутреннего употребления.

Российский панславизм был адресован габсбургским славянам не менее, чем османским. Чехи и словаки, не говоря уже о галицийских русинах, были весьма восприимчивы к этой пропаганде. Но нередко в среде австрийских славян панславизм претерпевал весьма существенные изменения, в том числе превращаясь в австрославизм, который предполагал лояльность Габсбургам. В своей неославистской версии панславизм получил в начале XX в. отклик даже в среде поляков, которые до этого выдвигали собственные версии панславизма, исключавшие «москалей» или во всяком случае отводившие лидирующую роль в славянском мире не Москве, а полякам.

Другим вызовом для Габсбургов, после того как они в 1848–1849 гг. (и окончательно после поражения от Пруссии в 1866 г.) проиграли борьбу за лидирующую роль в объединении Германии, стал пангерманизм. Пангерманизм ставил под вопрос лояльность австрийских немцев династии Габсбургов. В 1867 г. австрийский премьер Фридрих Фердинанд фон Бойст утверждал, что если дать славянам тот же статус, который должны были получить по конституционному соглашению венгры, австрийские немцы превратятся в слабое меньшинство и станут ориентироваться на Пруссию. Таким образом, австро-венгерский дуализм был отчасти следствием объединения Германии под властью Пруссии, а отчасти – следствием страха перед панславизмом.

Но пангерманизм был вызовом и для Романовых. Объединение Германии не только подтолкнуло русских националистов, а затем и власти к идее, что необходимо ускорить консолидацию восточных славян Российской империи в единую нацию. Пангерманизм, как ожидалось, должен был в обозримом будущем заявить права на остзейские губернии как часть немецкой национальной территории. С этого времени под вопросом оказалась лояльность Романовым всех немецких подданных империи, будь то немецкие дворяне Прибалтики, которые с XVIII в. играли столь важную роль в управлении империей, или немецкие колонисты, сотни тысяч которых заселяли к тому времени стратегически важные районы империи, в том числе западные и южные ее окраины. Первые ограничения на приобретение земли в западных губерниях иностранными подданными были приняты в 1887 г., а в 1892 г. закон уже ограничил права российских граждан «немецкого происхождения» приобретать земли в Юго-Западном крае. Дж. Армстронг был прав, когда написал, что создание второго Рейха стало началом конца многомиллионной немецкой диаспоры во всей Восточной Европе и прежде всего в Российской империи.

Можно сказать, что Германия также «научила» Россию пользоваться институтом гражданства/подданства для регулирования трудовой миграции. В 1870 г. немецкие власти стали высылать в Российскую империю тех ее подданных, в основном поляков и евреев, которые пытались найти работу в Германии и пустить там корни. Впоследствии Германия, под давлением юнкеров, нуждавшихся в рабочей силе, модифицировала законы так, чтобы рабочие из России могли приезжать только на сезон полевых работ, а затем возвращались в Российскую империю. Уже вскоре Россия применяла схожие правила на своих восточных границах для регулирования трудовых миграций китайцев и корейцев.

Вне пределов обсуждаемой макросистемы континентальных империй существовал целый ряд других, менее известных панидеологий, сочетавших имперские и национальные мотивы. «Иберизм» был более популярен в Испании и утверждал взгляд на Португалию как на неотъемлемую часть Испании, а присоединение Португалии к Испании в 1580 г. трактовал как победу в многовековой борьбе за единство полуострова. «Иберизм» находил отклик и среди части португальцев, которым была близка идея об общем духе иберийских народов, об объединенной борьбе с мусульманами в ходе Реконкисты.

«Скандинавизм» опирался на идею общности нордической семьи народов, истории которых были связаны в течение многих веков. Имперская составляющая этой общей истории была очень важной. Датчане в течение веков правили Исландией и Норвегией, шведы – Финляндией и Норвегией. Скандинавизм подчеркивал близость языков, трактуя различия между северными народами в большей мере как региональные, а не национальные, что открывало возможность представлять пространство Скандинавии как пространство для строительства имперской нации.

Но вернемся к обсуждению ансамбля четырех континентальных империй. Важно иметь в виду, что многие этнические или этнорелигиозные группы жили в двух, трех и даже, как евреи, во всех четырех империях. Исход процессов формирования лояльностей и идентичностей этих групп, скла-

дывания в их среде представлений о собственной нации и «национальной территории» во многих случаях зависел от взаимодействий различных сил в масштабе всей макросистемы континентальных империй.

О положении немцев в трех империях, об опасениях и ожиданиях более масштабных изменений в их лояльности со стороны Петербурга и Вены уже было сказано. Различные части польских элит в разные периоды были более лояльны некоторым правительствам империй, разделивших Речь Посполитую, по принципу «иерархии врагов». А одна из причин легендарной лояльности евреев Австро-Венгрии Францу-Иосифу, а отчасти и евреев Германии Гогенцоллернам, в том числе и во время Первой мировой войны, коренилась в их восприятии положения единоверцев в Российской империи как исключительно тяжелого.

У тех групп, национальная идентичность которых формировалась позднее, во второй половине XIX в. или даже в XX в., исход этих процессов тоже во многом определялся взаимодействиями в рамках макросистемы империй. Среди таких групп, проживавших в Российской империи, но имевших большие или малые анклав за ее границами, можно назвать румын, азербайджанцев, украинцев, литовцев, татар. Границы между империями, влияние имперских центров на периферийные группы во многом определяли различные сценарии формирования общей или отдельных национальных идентичностей у близких по культуре и языку групп, разделенных имперскими границами. В качестве примера можно привести азербайджанцев в России и Иране, хорватов и сербов, разделенных границей между Османской и Австрийской империями, русинов/малороссов/украинцев в Галиции и Буковине под властью Габсбургов и в Российской империи, румын и румын/молдаван, разделенных границей между Османской империей (позднее Румынским королевством) и Российской империей (позднее СССР).

Границы империй пересекали не только идеи и деньги на поддержку желательной ориентации тех или иных групп. Через границы империй происходили как организованные властями, так и спонтанные миграции населения. Эти границы часто были военными рубежами, которые фиксировались и менялись в результате завоеваний. Они не были основаны на каких-то естественных рубежах или этнических принципах. Часто, в стремлении обезопасить границы, власти империй прибегали к переселениям, депортациям и колонизации. Военные действия между империями или восстания внутри них часто сгоняли население с насиженных мест, подталкивали к миграциям. Даже в мирное время происходили массовые перемещения населения. Русофильски настроенные русины переселялись из Галиции в Россию, а из Российской империи в Галицию эмигрировали украинские активисты; поляки и евреи переселялись из Российской империи в Пруссию, иногда, чтобы снова оказаться в России в результате новой подвижки границ после Венского конгресса. Позднее миграции поляков шли в обоих направлениях — как из России, так и в нее. Мусульмане из Российской империи уходили в Османскую (так называемое мухаджирское движение), а балканские славяне, главным образом болгары и сербы, отправлялись в противоположном направлении. Немцы и в меньшем, но все равно значительном числе чехи мигрировали из империи Габсбургов и малых немецких государств в Российскую империю. Эти движения создавали особые культурные анклав

на новом месте, а в некоторых случаях серьезно влияли и на процессы формирования идентичностей в местах исхода. Такая ситуация принципиально отличала восток и юго-восток Европы от западной части континента, где границы были намного стабильнее, а трансграничные миграции намного меньше.

Османская империя может служить примером того, как миграции из соседних империй и связанная с ними демографическая политика в самой империи Османов становились важнейшим фактором формирования нации в ядре империи. Возрастающая обеспокоенность правительства султана Абдулхамиды II тем, что стратегически важные районы вокруг столицы империи были заселены немусульманами (главным образом греками и армянами), совпала с новыми волнами как добровольных, так и вынужденных переселений мусульман из России, новых независимых государств на Балканах и из Габсбургской Боснии. Во время Балканских войн и особенно в ходе Первой мировой войны к ним добавились беженцы из находящихся под угрозой территорий самой империи. Теперь таких людей стали сознательно селить в центральных районах империи сначала на свободных землях, а затем и на землях, с которых сгоняли христиан. Эта политика, первоначально проводившаяся под флагом имперского османизма, радикально изменила демографическую картину в Малой Азии, а ее результаты стали основой для националистического проекта младотурков. Исследователи считают, что миграции в Османскую империю и депортации населения внутри империи, с рассеянным расселением депортированных так, чтобы численность определенной нетюркской этнической группы в каждой местности не превышала 5–10%, были не просто связаны между собой, но стали со временем частью единого плана. Координацией этой политики, ключевым элементом которой была теперь этничность, а не конфессия, занимались Директорат общественной безопасности и Директорат по делам расселения племен и иммигрантов Министерства внутренних дел Османской империи.

Все современные империи были так или иначе связаны между собой военным и экономическим соперничеством, заимствованием опыта в различных сферах, в том числе и в деле собственно управления империей. Но взаимосвязанность соседних континентальных империй в рамках особой макросистемы носит качественно иной характер. Американский историк Р. Суни однажды заметил, что в континентальных империях заметно труднее проводить различную политику, удерживать принципиально различные политические системы в центре и на периферии, чем в морских. Можно сформулировать два тезиса, которые развивают эту идею. Во-первых, континентальным империям было сложнее проводить ту или иную политику внутри своих границ, не оказывая при этом влияния на соседей. Во-вторых, им было сложнее проецировать влияние вовне без серьезных последствий для своей внутренней политики.

Первый тезис прекрасно иллюстрируется примером объединения Германии Пруссией, которое оказало немедленное и далеко идущее воздействие на империи Габсбургов и Романовых. Приведем несколько примеров для иллюстрации второго тезиса. Если Британия решала поддержать борьбу кавказских горцев с Россией, это решение не несло никаких последствий для ее политики в отношении «собственных» мусульман. Если Франция решала в

какой-то момент поддержать поляков, это не оказывало влияния на ее политику внутри собственной империи. Но если Габсбурги хотели поддержать польское или украинское движение в империи Романовых, то это неизбежно предполагало соответствующую коррекцию политики в отношении поляков и русинов-украинцев в их собственной империи.

Макросистема континентальных империй в течение длительного времени была внутренне стабильна потому, что, несмотря на частые войны между соседними империями, все они придерживались определенных конвенциональных ограничений в своем соперничестве. В общем они не стремились разрушить друг друга, во многом потому, что Романовы, Габсбурги и Гогенцоллерны нуждались друг в друге, чтобы справляться с наследием разделов Речи Посполитой. Следует согласиться с американским исследователем истории дипломатии П.В. Шредером, который считал, что начало довольно длительного процесса разрушения тех ограничений, которых европейские империи придерживались в отношениях друг с другом после катастрофических наполеоновских войн, было положено Крымской войной. Окончательный демонтаж системы конвенциональных ограничений в отношениях между континентальными империями занял несколько десятилетий и со всей силой проявился в ходе Первой мировой войны. Эта война уже велась массовыми армиями, построенными на основе всеобщей воинской обязанности. Но то были имперские армии, в которых вопросы религиозной, этнической, расовой разнородности играли важную, а иногда и центральную роль.

В ходе приготовлений к большой европейской войне и во время Первой мировой соседние империи стали весьма активно, отбросив прежние ограничения, использовать этническую карту против своих противников. Сила национальных движений в этой макросистеме к концу войны во многом была обусловлена тем, что они получили поддержку соперничавших империй, которые теперь боролись друг с другом «на уничтожение». Сражающиеся стороны проводили мобилизацию окраинных национализмов в стане врага через оккупационную политику, через финансовую и информационную поддержку сепаратистских тенденций, через систематическую пропагандистскую работу в лагерях военнопленных, которая охватила миллионы человек. В условиях, когда все взрослые мужчины рассматривались как потенциальные солдаты, воюющие стороны трактовали этничность и конфессиональную принадлежность как ключевые параметры лояльности, прибегая к массовым депортациям, репрессиям и заключению во впервые появившиеся тогда в Европе концентрационные лагеря по этническому признаку.

В этой связи можно заново осмыслить вопрос о том, в какой мере роль могильщика континентальных империй принадлежит национальным движениям, а в какой – самим империям, которые использовали и поддерживали эти движения друг против друга. Это заставляет по-новому подойти и к вопросу о том, насколько жизненный потенциал континентальных империй был исчерпан к началу Первой мировой войны. Иначе говоря, все ли эти империи находились к началу войны в фазе необратимого упадка? Возможно, некоторые из них переживали кризис, исход которого не был заранее предопределен? Была ли Первая мировая война лишь последним гвоздем, забитым в гроб этих империй, или гигантским потрясением, которое разрушило

их вне зависимости от того, были ли они на тот момент уже неизлечимо больны? Именно Первая мировая война, которая, среди прочего, заставила империи всюду орудовать обоюдоострым мечом национализма и окончательно разрушила выполнявшую определенную стабилизирующую роль макросистему континентальных империй, заставила их кануть в Лету. Ведь в результате войны рухнули не только ослабленная, сжимавшаяся, потерявшая экономический суверенитет Османская империя, не только экспериментировавшая с этнокультурной автономией, сравнительно менее централизованная империя Габсбургов, или экономически отстававшая от Запада, раздираемая внутренними политическими противоречиями, не успевшая консолидировать новые демократические институты и имперскую русскую нацию Российская империя. Рухнул и германский рейх, где имперская нация и демократические институты уже были в значительной степени консолидированы, где экономическое развитие вывело страну в мировые индустриальные лидеры. Получается, что вне зависимости от своих внутренних сильных сторон и слабостей все империи на востоке Европы не смогли пережить Первую мировую войну и крах взаимозависимой макросистемы континентальных империй.

Но даже Первая мировая война не стала рубежом, после которого можно говорить, что век империй и национализма сменился веком наций-государств. Конечно, антиколониальные идеологии Вильсона и Ленина стали важным вызовом империям. Однако лишь Вторая мировая война, в которой потерпели поражения «молодые» империи Германии и Японии, и способность США после войны диктовать условия своим ослабленным западным союзникам привели к демонтажу французской и британской империй и завершению того этапа, который можно назвать вслед за Остерхаммелем «веком империй и национализма».

Подводя итог, отметим следующее. Во-первых, империи не были построены нациями. Во-вторых, строительство наций протекало в контексте соревнования между империями. Это верно и для строительства наций на периферии империй, и для строительства наций в ядре империй. В-третьих, строительство наций и строительство империй были тесно связаны. Строительство наций в ядре империй было одним из ключевых инструментов повышения соревновательных возможностей империй, а строительство наций на периферии империй во многом происходило под влиянием других, конкурирующих империй.

Экспансионистские проекты строительства имперских наций, дополненные во второй половине XIX в. дарвинистскими теориями выживания сильнейших, создавали новое напряжение в отношениях центра и периферии империй. В исторической литературе внимание в основном фокусируется на центробежных тенденциях, порождавшихся такой политикой, а успехи имперских интеграционных и ассимиляционных проектов в последние десятилетия перед Первой мировой войной, как правило, недооцениваются.